

ПРОГРАММА

Благодарная Молдавия – братскому народу России

Благотворитель

Бизнес-Элита, SRL (Кишинев)

**Международный проект
«Нестор»
Санкт-Петербург—Кишинев—Париж**

Партнерство во имя истории

Учредители проекта:

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук

Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова
Российской академии наук

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)

Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург)

Высшая антропологическая школа
(Кишинев)

Центр русских, кавказских
и центральноевропейских исследований
Школы высших исследований социальных наук
(Париж)

Социологический институт РАН
(Санкт-Петербург)

Руководитель проекта

Сергей Эрлих

Издатель

Сергей Марар

**Библиотека журнала «Нестор»:
Источники и исследования истории и культуры
России и Восточной Европы
Том XV**

Редакция:

Р. Ш. Ганелин, П. В. Ильин, О. И. Киянская,
И. В. Лукоянов (главный редактор),
В. И. Мусаев, С. В. Яров

Редакционный совет:

Е. В. Анисимов, Б. Ф. Егоров,
В. Н. Плешков, А. Н. Цамутали
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Оу Бао
(Университет Цинхуа, Пекин)

В. Берелович
(Школа высших исследований социальных наук, Париж)

Ж. Нива
(Женевский университет)

У. Розенберг
(Мичиганский университет)

Д. М. Фельдман
(Российский государственный гуманитарный университет)

Л. Хеймсон
(Колумбийский университет)

М. Хильдермайер
(Геттингенский университет)

А. М. Эткинд
(Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Х. Ян
(Кембридж)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский институт истории

**«Что вы
делаете
со мной!»**

Как подводили под расстрел

**Документы о жизни и гибели
Владимира Николаевича Кашина**

Составление, вступительная статья, примечания:

Р.Ш. Ганелин

Издательство
«Нестор-История»
Санкт-Петербург
2006

УДК 947.084.6
ББК 63.3(2)614-361

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2006. — 270 с.

Сборник состоит из документов, отразивших трагическую судьбу талантливого исследователя российской истории профессора В. Н. Кашина. Обвиненный в недостаточном возвеличении роли Сталина и других «преступлениях» такого же рода, причина которых была приписана его меньшевистскому прошлому, он был расстрелян в 1938 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда.

Книга предназначена как для специалистов-историков, так и для других читателей.

Рецензенты:

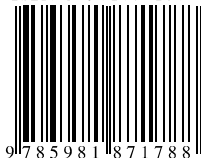
д. и. н. *А. П. Купайгородская*,
д. и. н. *М. П. Ирошников*

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского института истории РАН*

Издано с использованием средств
Программы Отделения историко-филологических наук РАН
«Власть и общество в истории»
(Проект «Революции, государство, общество»)

This copy is prohibited for sale outside Russia and CIS countries.
Purchasing this copy hampers the success of liberal progress in Russian Society.
Contact us on: nestor_historia@list.ru
We reserve the rights of sales.

ISBN 5-98187-178-4

© Ганелин Р. Ш., составление, вступительная статья,
примечания, 2006
© Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2006
© Издательство «Нестор-История», 2006

В. Н. Кашин и его судьба*

«Мне говорят — признайтесь, что вы сказали так». «И тут оправдываться, защищаться нечего, потому что если говорят, что я сказал, значит — крышка». «Но, ведь это же не тот пункт, за который меня можно расстреливать».

«Я искренне не понимаю, в чем мое преступление».

Из слов В. Н. Кашина на собрании.

Занимающая центральное место среди публикуемых здесь документов стенограмма посвященного Владимиру Николаевичу Кашину (1890–1938) общего собрания сотрудников Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ, ныне, после ряда преобразований, Санкт-Петербургский институт истории РАН) 21 марта 1937 г. (№ 15), после которого он был арестован, а затем расстрелян, была мною обнаружена более пятнадцати лет тому назад. Большинство участников этого собрания, составившего открытую часть одной из бесчисленных характерных для тех лет трагических историй, были моими учителями, старшими коллегами по работе в ЛОИИ. Его научный коллектив традиционно пользуется исключительной репутацией не только ввиду качества исследовательской работы, но и благодаря той, по возможности свободной от политических и житейских влияний, атмосфере, в которой эта работа протекала. Однако общие кампании «проработочной» критики не обходили ЛОИИ стороной и, естественно, вызвали отклики в нем самом. Применительно к концу 1940-х–началу 1950-х годов читатель может быть отослан к имеющимся

* Не могу не отметить с признательностью той помощи, которую оказали мне сотрудники Петербургского филиала архива РАН, особенно М. Ш. Файнштейн, и РНБ — А. Я. Разумов и В. Е. Кельнер, а также Т. В. Андреева, В. С. Измозик, С. В. Куликов, М. Н. Румынская. Благодарю И. П. Палкину, по обыкновению, не ограничившуюся работой издательского редактора.

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел

работам.¹ Что же касается второй половины 30-х годов, когда слова разили наповал в буквальном смысле, должна быть названа удачная попытка рассмотрения истории ЛОИИ первых лет после его создания в статье, к которой я здесь и прибегаю.²

Трагический парадокс заключается в том, что именно те люди, которые были участниками вызывающих ужас «проработок» (такое неофициальное, но расхожее название утверждалось за собраниями, подобными тому, о котором идет здесь речь), создали славу ЛОИИ. У тех из них, которые были университетскими учителями моими и близких к моему поколений, мы долго продолжали учиться, работая с ними рядом. Само пребывание в одном с ними коллективе было школой. Повседневное общение с этими людьми, оброненные ими походя замечания запомнились на всю жизнь. Необыкновенная ученость, высочайший профессионализм, свойственный русским историкам-исследователям начала XX в., заключавшийся в особенной тонкости интерпретации источника как документального памятника своего времени, выделяли этих людей из общего ряда. Все это оказывалось у них как носителей истинной академической традиции органично связанным с подлинной интеллигентностью натуры, необыкновенной расположенностью к окружающим. В отношении к ним моем и моих ровесников-коллег был и до сих пор сохраняется элемент преклонения.

И вот передо мной оказалась стенографическая запись страшного заседания, на котором эти люди должны были бросить каждый по камню в своего товарища по науке, знавшего, как и они, что его после этого ждет. А им предстояло жить с сознанием со-

¹ *Панях В. М.* 1) Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 г. // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 19–27; 2) Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. 445 с.; *Ганелин Р. Ш.* 1) Вокруг статей А. И. Молока о взглядах Н. Г. Чернышевского на историю Франции // Н. Г. Чернышевский: История. Философия. Литература. Саратов, 1994. С. 36–46; 2) А. В. Предтеченский в ЛОИИ // А. В. Предтеченский: Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 361–376.

² *Купайгородская А. П.* Ленинградское отделение Института истории АН СССР: Первые годы // Петербургская Академия наук в истории академий мира. СПб., 1999. С. 72–79.

В. Н. Кашин и его судьба

деянного... Первым моим побуждением было больше не прикасаться к этому архивному делу и никому никогда ничего не рассказывать. Но затем я представил себе, что оно попадет (а это теперь, пожалуй, уже неизбежно) в руки такого исследователя, для которого все эти люди будут не живыми образами, а персонажами из историографических работ, авторами ушедших в прошлое исследований. Без тех реалий времени, которые далеко не всегда отражаются в источниках или исследованиях, трагедия, участниками которой по принуждению или непониманию они стали, не будет по-человечески понятна современному исследователю, и судить их (и о них) он будет со справедливой и абстрактной строгостью. И тогда я решил, что должен сам опубликовать материалы этого собрания и попытаться в меру сил описать страшный гнет, испытывавшийся этими людьми: ведь некоторые из них мне незабываемо дороги, и все — небезразличны. Их речи на собрании я могу сопоставить с тем, какими я впоследствии знал этих людей, и со сведениями, известными мне от старших современников. Еще могу, хотя скоро сделать это будет некому. Кроме стенограммы этого собрания, здесь публикуются и другие документы о жизненном пути и трагической судьбе В. Н. Кашина.

Но перед этим я должен сказать о В. Н. Кашине, основываясь главным образом на том, что сообщила мне его вдова К. Н. Сербина,³ а также на всех публикуемых документах, и воспроизвести выписку из его реабилитационного дела, которую сделал и любезно предоставил мне сын В. Н. Кашина Г. В. Кашин (1926–2005).

Представляется несомненным, что сделанное В. Н. Кашиным в науке, как то, что ему удалось издать при жизни, так и вышедшее в свет без упоминания его имени после смерти, позволяет считать его, несмотря на краткость жизненного пути, одним из наиболее выдающихся представителей того поколения исследователей отечественной истории, которое сформировалось в первые послереволюционные годы в результате ус-

³ Сербина Ксения Николаевна (1903–1990). Специалист по истории России XVI–XIX вв. Сотрудница ЛОИИ на протяжении многих лет, заместительница и исполняющая обязанности его заведующего в 1945–1951 гг., заведующая сектором истории СССР, затем — Архивом ЛОИИ.

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел

воения профессионального опыта университетских историков начала XX в. и ученичества у С. Ф. Платонова,⁴ М. Д. Приселкова,⁵ А. Е. Преснякова,⁶ Б. Д. Грекова.⁷

Будучи в Томске учеником 6-го класса реального училища, В. Н. Кашин вошел в революционный кружок, трижды арестовывался, принимал участие в организации побега Г. К. Орджоникидзе из сибирской ссылки в 1909 г. (№ 1*). К рассказанному мне об этом К. Н. Сербиной следует добавить, что Орджоникидзе был сослан в Енисейский край навечно. Поэтому, вероятно, и оказавший ему помощь Кашин, которому 4 года каторги были также заменены вечным поселением, бежал с ним вместе (на своем первом допросе в 1933 г. он отнес побег к 1910 г. — № 6) и оказался за границей, где прожил до 1917 г. По возвращении был в рядах Красной Армии во время гражданской войны, дослужился, по словам К. Н. Сербиной, до больших званий. Затем оставил военную службу и поступил в университет, где занимался в семинаре Б. Д. Грекова вместе с Р. Б. Мюллер,⁸ Г. Е. Кочиным,⁹ погибшим в блокаду Степановым¹⁰ и Николаем Афанасьевичем

⁴ Платонов Сергей Федорович (1860–1933). Академик по отделению исторических наук и филологии по специальности «История и древности русские». Арестован по так называемому «Академическому делу». Умер в ссылке.

⁵ Приселков Михаил Дмитриевич (1881–1941). Выдающийся русский историк. Был арестован по «Академическому делу».

⁶ Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929). Выдающийся русский историк.

⁷ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953). Академик. Специалист в области древней и средневековой Руси.

* Здесь и далее — порядковый номер документа сборника.

⁸ Мюллер Раиса Борисовна (1896–1989). В 1942, 1945–1951 гг. сотрудница ЛОИИ АН СССР. В последующие годы активно участвовала в его работе. Специалист по истории России, Карелии XII–XVIII вв. Археолог, публикатор важных источников.

⁹ Кочин Георгий Евгеньевич (1897–?). Специалист в области истории средневековой России. Сотрудник ЛОИИ. Участник Первой мировой, советско-финской и Великой Отечественной войн.

¹⁰ Других сведений о нем найти не удалось.

В. Н. Кашин и его судьба

Куренгиным, многие годы затем проведенным в ссылке.¹¹ Работал в историко-бытовом отделе Русского музея. После арестов 1930 г. (так называемое «*Академическое дело*») работал в рукописном отделе Библиотеки АН. Выступал с покаянием, имея в виду свое ученичество у А. И. Заозерского.¹² В 1932 г. назначен заместителем директора Русского музея по научной части.

21 января 1933 г. В. Н. Кашин был арестован. Постановлением ОГПУ от того же дня ему было предъявлено обвинение в том, что он состоял членом контрреволюционной организации, т. е. в совершении преступления, предусмотренного статьей 58-11 УК РСФСР в редакции 1926 г. Постановлением Коллегии ОГПУ (судебным) от 8 мая 1933 г. был в числе других из-под стражи освобожден с прекращением уголовного дела без указания оснований к этому. В 2001 г., как и на других арестованных по этому делу, на В. Н. Кашина было распространено действие закона Российской Федерации «*О реабилитации жертв политических репрессий*» от 18 октября 1991 г. (№№ 10, 11).

Перемена в поведении арестованного на протяжении первой же недели следствия, как и благополучный для него исход дела, вызывают вопросы, ответить на которые не только с полной определенностью, но и с достаточной достоверностью вряд ли возможно, во всяком случае на основании тех материалов, которыми я располагаю. Протокол первого допроса В. Н. Кашина (в нашем распоряжении их три — от 22, 25 и 27 января 1933 г., №№ 6, 7, 8) разительно отличается от двух последующих, которые составляют крайне неблагоприятное впечатление о его поведении, не выделяясь, впрочем, этим из всей массы документов такого рода тех времен. На допросе 25 января, если верить протоколу, В. Н. Кашин сослался, как бы себе в оправдание и даже в заслугу, на свое «*соответствующее заявление*» в «*Ленинградскую правду*» (а не

¹¹ По сообщению А. Н. Цамутали, во второй половине 1950-х—первой половине 1960-х годов Н. А. Куренгин принимал участие в коллективной работе по аграрной истории в Центральном гос. историческом архиве СССР.

¹² Заозерский Александр Иванович (1874—1941). Историк России. Был арестован по «*Академическому делу*».

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел

в НКВД — интеллигентское ухищрение для самоуспокоения) о существовании подпольной организации как на посланное им по собственной инициативе и возымевшее действие.

Его показания на первом допросе, по-видимому, определялись социалистической искренностью перед всеми, в том числе перед властями, сочетавшейся с отстаиванием права на существование оппозиции (эти две черты характерны и для найденной у него листовки, № 9). Но объяснить таким образом записанное 25-го и 27-го невозможно, хотя известны случаи заведомо — как для следователей, так и для подследственных — лживых признаний, сделанных, как внушали первые вторым, в интересах партии и дела социализма для «разоблачения врагов народа», иным, законным, образом якобы невозможного. Здесь это, однако, невероятно.

Приходится искать способы объяснения протоколов от 25 и 27 января, прибегая к традиционным приемам анализа тех документов, которые создавались в процессе следственных действий, проводившихся на основе полного произвола карательных органов. Поясню это рассказом о сердечной уличной встрече знакомой нашей семьи старой большевички Э. М. Бакинской, вернувшейся в Ленинград после лагеря и ссылки, с той особой, которая, по ее словам, фигурировала в ее деле как главная свидетельница обвинения. Видя мое недоумение, Э. М. Бакинская, не дожидаясь вопроса, объяснила, что у следствия существовало много возможностей для того, чтобы добиться нужных показаний без подделки подписей, которые могли быть получены путем доведения допрашиваемого до состояния невменяемости независимо от того, кем он был — подследственным или находившимся под угрозой ареста свидетелем.¹³ Спрашивать же старую знакомую, как обстояло дело, означало бы, по ее мнению, возвращение к прежней практике использования спрашивающим зависимости от него собеседника: после XX съезда КПСС такой вопрос звучал, с ее точки зрения, как обвинение.

¹³ Сама Э. М. Бакинская рассказывала, что была совершенно деморализована после того, как встретивший ее в коридоре Большого дома под конвоем ее непосредственный начальник по Смольному секретарь горкома А. А. Кузнецов отвел глаза в сторону.

В. Н. Кашин и его судьба

Нельзя исключать того, что письмо В. Н. Кашина в *«Ленинградскую правду»* было вызвано опасениями стать жертвой провокационных действий, именно против него направленных.

Не считаю в данном случае вероятным прямое принуждение арестанта к подписанию вымышленных им самим или следствием показаний. С другой стороны, не могу признать их чистосердечными. Но и сказанное впоследствии В. Н. Кашиным К. Н. Сербиной о том, что он никогда не подписал бы лживых показаний, я никак не могу считать фальшивым. Не имел ли место отказ от показаний? И не с ним ли связано прекращение дела с освобождением арестованных, не имеющее в известных мне материалах вразумительного объяснения? Не удивительно ли, что 24 марта 1933 г. пресловутый Медведь¹⁴ утвердил обвинительное заключение по делу блока студенческих контрреволюционных организаций, причем В. Н. Кашин фигурировал там как игравший руководящую роль (№ 10, с. 78), среди вещественных доказательств была хранившаяся у него прокламация (№ 9), а уже 8 мая он был освобожден? Вместе с ним была освобождена большая группа обвиняемых. На свободе оказался и И. З. Савицкий (№ 53), фигурировавший в показаниях Кашина и представленный в обвинительном заключении как один из руководителей той контрреволюционной организации, идейное лидерство которой приписывалось Кашину. Было бы, конечно, в высшей степени целесообразно проследить судьбу этих людей.

Каков был смысл фразы в Заключении Военной коллегии Верховного суда 1956 г. (№ 62) о том, что **«проведенное в тот период (в 1933 г. — Р. Г.) расследование»** установило, что Кашин в организацию не входил? А может быть, это расследование споткнулось и на имеющихся в уже утвержденном Обвинительном заключении словах о том, что для убийства Сталина и других руководителей ВКП(б) **«была предпринята практическая экспериментальная разработка сильнодействующего химического аппарата»** (№ 10, с. 77)? Не предпочли ли избе-

¹⁴ Медведь Филипп Демьянович (1889–1937). Полпред ОГПУ в ЛВО в 1930–1934 гг., начальник УНКВД в 1934 г. Арестован в декабре 1934 г., приговорен к трем годам заключения, однако был начальником одного из управлений Дальстроя. В 1937 г. арестован и расстрелян. В 1957 г. реабилитирован.

жать необходимого исправления «аппарата» на «препарат»? Ведь исправление такого рода без доклада о нем вряд ли было возможно, а кто мог предугадать, не попадет ли доклад к тому, кто может объявить пособниками отравителей авторов не только Обвинительного заключения, но и доклада? Во время следствия 1937—1938 гг. предъявленные Кашину обвинения были во многом основаны на его показаниях 1933 г., им подтвержденных. Между тем на собрании 21 марта 1937 г. арест 1933 г. не упоминался, хотя устроители собрания прямо говорили о своих связях с НКВД. (Кстати сказать, на собрании не прозвучало и ссылок на показания против Кашина, полученные от Томсинского и Троцкого в 1936 г.)

Не исключено, что непреклонно мужественным поведением на этом собрании («на миру и смерть красна») В. Н. Кашин стремился искупить свои признания 1933 г. А отказаться от них в ходе нового следствия оказалось невозможным, несмотря на официальное прекращение прежнего дела. Но об этом — в своем месте. Вероятно, с арестом 1933 г. было связано то обстоятельство, что в Ленинградском институте марксизма-ленинизма (позже Ленинградское отделение Комакадемии), где В. Н. Кашин работал с 1927 г., в его характеристике было, по сообщению А. П. Купайгородской, отмечено: *«иногда путает методологически»*. Вообще же первый арест не помешал ни служебным делам В. Н. Кашина, ни его научной работе, носившей весьма интенсивный характер (№ 2).

В 1926 г. в серии *«Памятники социально-экономической истории России»* (под редакцией А. И. Заозерского и В. Н. Кашина) был издан составленный В. Н. Кашиним сборник документов *«Торговля и торговый капитал в Московском государстве»* (Издательство КУБУЧ. Л., 1926). А в 1934 г. в Издательстве АН СССР вышла в свет его монография *«Крепостные крестьяне-землевладельцы накануне реформы»*. В Историко-археографическом институте, вошедшем в ЛОИИ в 1936 г., он работал с 1934 г., будучи ведущим специалистом в области исследования истории XVIII—начала XX в. Получил степень доктора исторических наук и звание профессора. Занимаясь историей крестьянства, вместе с И. В. Мешалиным, погибшим во время блокады,¹⁵ К. Н. Сербиной и др. рабо-

¹⁵ Мешалин Иван Васильевич (1901—1941). Сотрудник ЛОИИ.

В. Н. Кашин и его судьба

тал над сборником документов о крестьянской промышленности. Первый том *«Материалов по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в.»* под редакцией В. Н. Кашина с его предисловием на 120 страницах и составленными им комментариями вышел в свет в Издательстве АН СССР в 1935 г. В нем указано, что материалы выявлены Н. Г. Богдановой¹⁶ и И. В. Мешалиным при участии Б. Н. Жуковича¹⁷ и А. И. Семенова¹⁸ и подготовлены к печати К. Н. Сербиной.

Второй том *«Материалов по истории крестьянской промышленности»* с подзаголовком *«Текстильная промышленность Московской губернии в XVIII и начале XIX в.»* вышел в свет в том же издательстве в 1950 г., под редакцией известного московского историка проф. К. В. Сивкова.¹⁹ В нем было указано (с. 10), что он составлен и подготовлен к печати И. В. Мешалиным, выявление материалов произведено Н. Г. Богдановой и И. В. Мешалиным, археографическое оформление произведено К. Н. Сербиной, комментарий и словарь терминов составлены И. В. Мешалиным при участии Б. Б. Фраткина.²⁰ Схемы карт и планов, как указывалось в томе, были составлены И. В. Мешалиным, а окончательное оформление перед сдачей его в печать проведено Е. К. Пшеницыной.²¹ Само собой разумеется, имя В. Н. Кашина упомянуто не было. Между тем К. Н. Сербина в разговоре со мной подтвердила его активное участие в этом деле. В списке его работ (№ 2)

¹⁶ Богданова Надежда Григорьевна (1892—?). Научный сотрудник БАН, затем ЛОИИ.

¹⁷ Жукович Борис Николаевич (1876—?). Сотрудник Археографической комиссии (впоследствии ЛОИИ АН СССР).

¹⁸ Семенов Александр Игнатьевич (1905—?). Историк русской церкви, палеограф. Сотрудник Археографической комиссии.

¹⁹ Сивков Константин Васильевич (1882—1959). Сотрудник Института истории АН СССР, видный специалист по истории России XVIII—начала XIX в.

²⁰ Фраткин Борис Борисович (1903—?). С 1934 г. сотрудник Историко-археографического института (впоследствии ЛОИИ). Участник работы по темам *«Петровская промышленность»* и *«Крестьяне и помещики первой половины XVIII в.»*.

²¹ Сведений найти не удалось.

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел

под рубрикой «Готовятся к печати» числятся две работы (п. 11): «*“Крестьянская промышленность в России XVIII в.”* — собрание документальных материалов, т. II. Изд. ИАИ АН. Под ред. и с комментарием (7–6 л.) В. Н. Кашина. Размер около 30 п. л. Продолжение упомянутого I тома. Посвящен истории текстильной промышленности. В марте сдается в печать.» и «То же, т. III. История с. Иванова. Под ред. и с предисловием (3 п. л.) и с комментарием (5 п. л.) В. Н. Кашина». В рукописном варианте этого списка под рубрикой «Готовятся к сдаче в печать» эти работы представлены на первом и втором местах следующим образом: «*“Крестьянская промышленность в России XVIII и нач. XIX в.”* Том II. Под ред. и с комментарием В. Н. Кашина (Изд. Ак. Наук, 6 п. л. комментария; общий объем 30 п. л.). Сдается в печать в ноябре 1934 г. Крестьянская промышленность в России XVIII и нач. XIX в. Том III. Под ред. и с комментарием В. Н. Кашина (Изд. Ак. наук; комментарий 5 п. л.)».²²

После начала войны И. В. Мешалин защитил кандидатскую диссертацию, которая была издана в том же 1950 г., что и второй том «*Материалов по истории крестьянской промышленности*», под названием «*Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века*». Ответственным редактором ее был член-корреспондент АН СССР Н. М. Дружинин.²³ В обоих случаях ликвидация научного имени уничтоженного исследователя была прикрыта авторитетом признанных ученых.

К. Н. Сербиной (В. Н. Кашин женился на ней в 1936 г. после смерти в 1935 г. своей первой жены, д-ра Кабардиной, которую также звали Ксенией Николаевной, оставшись с одиннадцатилетним сыном) было сообщено, что он осужден на 10 лет по ст. 58-10 без права переписки и отправлен в дальневосточные лагеря. На ее запрос оттуда ответили, что В. Н. Кашин к ним не поступал. По убеждению К. Н. Сербиной, В. Н. Кашин не подписал того, что от него требовали. С этим она связывала пребывание его, здорового прежде человека, в тюремной больнице. До ареста он говорил ей, что не понимает тех, кто подписывает измышления, а

²² Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4712. Л. 3.

²³ Дружинин Николай Михайлович (1886–1986). Академик. Специалист по истории России XVIII–XIX вв.

В. Н. Кашин и его судьба

он, хоть бы его резали на куски, ничего не подписал бы. Однако подписи под его показаниями стоят. Напомню сказанное по этому поводу и добавлю, что болезнь его была душевной (№ 24). Впрочем, как уже говорилось, следствие 1937–1938 гг. будет одним из предметов дальнейшего изложения.

После осуждения в комнату В. Н. Кашина, запечатанную при аресте (№ 19), пришли двое чинов НКВД, они пробыли там, по словам К. Н. Сербиной, целый день, изорвав в мелкие клочки его архив, включавший в себя рукописи. Изъятое при обыске было после расстрела сожжено (№ 19, помета). Служебно-отчетные и т. п. документы В. Н. Кашина, оставшиеся в ЛОИИ, хранятся в ф. 133 Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Аннотированный список работ В. Н. Кашина, в том числе готовившихся к печати (№ 2), показывает размах его исследовательской деятельности, прерванной арестом и казнью. Из пяти готовившихся к печати работ появилась до ареста только одна (п. 13).

В 1951 г. К. Н. Сербина писала в своей автобиографии, хранящейся в ее личном деле в Санкт-Петербургском институте истории:

«В сентябре 1936 г. я вышла замуж за В. Н. Кашина, который в апреле 1937 г. был арестован и осужден на 10 лет. С момента ареста В. Н. Кашина никаких сведений о нем не имею. В мае 1938 г. как член семьи репрессированного была арестована и приговорена к 3 годам пребывания в трудовом исправительном лагере, в ноябре 1938 г. была освобождена, вернулась в Ленинград и была восстановлена на работе в Институте» (л. 6 об.).

Аресту предшествовало исключение ее общим собранием сотрудников ЛОИИ из Секции научных работников.²⁴ По-видимому, этим арестом объясняется отсутствие фотографии мужа среди сохранившихся у нее и ныне находящихся в архиве ЛОИИ.

Сводку официальных сведений о судьбе В. Н. Кашина содержит сделанная его сыном выписка из предоставленных ему судебно-следственных документов, приводимая здесь без изменений.

²⁴ *Купайгородская А. П.* Ленинградское отделение... С. 75.

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел

«Кашин Владимир Николаевич, осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР 18.02.38, по статьям 58-8 и 58-11 УК РСФСР, к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

20.10.56 г. приговор отменен Военной Коллегией Верховного Суда СССР, и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

В агентстве федеральной безопасности по Санкт-Петербургу дело В. Н. Кашина хранится в архиве под номером П-18728. Постановление об аресте выдано 15.04.37, как активного участника контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации. Дело 23361-37 г.

“Изобличается”: Томсинским С. Г. (расстрел в 1936 г.),²⁵ Троцкий И. М.,²⁶ Фроловым П. С.²⁷

Вещественных доказательств по делу нет, очных ставок не проводилось.

Обвиняется Томсинским С. Г. в контрреволюционных взглядах.

В июле—октябре 1937 г. находился в тюремной больнице.

Следствием обвиняется:

— “Входил в состав руководящего ядра контрреволюционной меньшевистской организации”.

— “Участвовал в составлении программы организации”.

— “Ориентировал контрреволюционную организацию на более активные методы борьбы с руководством ВКП(б) и Соввластью”.

— “Имел контрреволюционную связь с участниками троцкистско-зиновьевской террористической организации”.

“Кашин В. Н. виновным себя не признал, но факт террористических замыслов и контрреволюционную связь с участниками

²⁵ Томсинский Семен Григорьевич (1894—1938). Директор Историко-археографического института. Сослан в Алма-Ату в 1935 г. Расстрелян.

²⁶ Троцкий Исаак Моисеевич (1903—1936). В 1931—1934 гг. ученый секретарь Историко-археографического института. В 1935 г. профессор исторического факультета ЛГУ. Арестован в 1936 г. по обвинению в причастности к убийству С. М. Кирова.

²⁷ Сведений найти не удалось.

В. Н. Кашин и его судьба

троцкистско-зиновьевской организации отрицает, но материалами следствия изобличен”.

В 1955 г. по заявлению Кашина Г. В. дело назначено к пересмотру.

В качестве свидетелей допрошены сотрудники филиала Института истории АН СССР (Ленинградского отделения) Парфенов А. А.,²⁸ Пугачев П. Ф.,²⁹ Вяткин М. П.,³⁰ Кочин Г. С.*, Смирнов И. И.³¹

“Охарактеризовали Кашина В. Н. по работе положительно и показали, что никаких действий антисоветского характера с его стороны не замечали”.

“Обращено внимание на неконкретные показания Томсинского С. Г.:

— Кашин В. Н. якобы высказывал резкие контрреволюционные настроения — солидаризировался с троцкистским уставом.

— Отметил прием на работу в институт бывших сотрудников (учеников) академика Платонова... Мюллер Р. Б., Сердиной К. Н.** (всего 7 человек).

— Обвинил Предтеченского А. В.,³² назвав его антисоветчиком.

²⁸ В действительности директор средней школы № 207. Парфенов Петр Алексеевич (1913 г. рожд.). Был арестован вместе с В. Н. Кашиным в 1933 г. Протокол его допроса № 54.

²⁹ В действительности кочегар. Пугачев Павел Филиппович (1906 г. рожд.). Был арестован вместе с В. Н. Кашиным в 1933 г. Протокол его допроса № 53.

³⁰ Вяткин Михаил Порфирьевич (1895–1967). Член-корреспондент АН Киргизской ССР. Специалист по истории Средней Азии и ряду проблем российской истории. Лауреат Сталинской премии. Заведующий ЛОИИ в 1953–1961 гг. Протокол его допроса № 56.

* Должно быть Г. Е.

³¹ Смирнов Иван Иванович (1909–1965). Доктор исторических наук. Специалист в области истории средневековой России. Лауреат Сталинской премии. Протокол его допроса № 58.

** Должно быть Сербиной К. Н.

³² Предтеченский Анатолий Васильевич (1893–1966). Специалист по истории России XIX в., истории Петербурга, Академии наук, русской культуры.

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел

— Обвинил Грекова Б. Д. в связях с черносотенными академиком Лихачевым³³ и Платоновым и меньшевиком Кашиным В. Н.»».

Стенограмма общего собрания работников ЛОИИ 21 марта 1937 г. (№ 15) входит в состав хранящегося в Петербургском филиале Архива Российской Академии наук и полностью здесь публикуемого (№№ 12–16) дела. Стенографистки Михайлова и Тарапани, как и машинистка Шиглевская, обладали высокой квалификацией, и их, в сущности, неуправленная запись почти не содержит ошибок или неясностей. Собрание 21 марта было посвящено «вопросу о проф. Кашине В. Н.». Вопрос этот был поднят, однако, на предыдущем общем собрании. 13 марта возглавлявший ЛОИИ акад. Б. Д. Греков сообщил собранию об ошибках Кашина, который не каялся и вины своей не признавал, по его делу была создана комиссия (М. А. Коростовцев,³⁴ М. П. Вяткин, С. Н. Валк,³⁵ В. В. Струве,³⁶ У. А. Шустер³⁷). Вошедший в состав комиссии М. П. Вяткин заявил, что вину Кашина определяют ведущие следствие «авторитетные органы».³⁸ Следует отметить, что 21 марта об этом прямо не говорилось. Судя по всему, М. П. Вят-

³³ Лихачев Николай Петрович (1862–1936). Академик. Историк, палеограф, искусствовед. Арестован по так называемому «Академическому делу» в 1930 г., выпущен в 1933 г.

³⁴ Коростовцев Михаил Александрович (1900–1980). Академик. Специалист в области филологии и истории Древнего Египта. Был арестован в начале 1950-х годов в бытность корреспондентом ТАСС в Египте.

³⁵ Валк Сигизмунд Натанович (1887–1975). Исследователь проблем древней и новой истории России, а также вспомогательных исторических дисциплин.

³⁶ Струве Василий Васильевич (1889–1965). Академик. Историк-востоковед. Специалист по истории Древнего Египта.

³⁷ Шустер Ура Абрамович (1907–1997). Специалист по истории Польши, проблемам рабочего движения в России и истории русской культуры. Лауреат Государственной премии СССР. Участник Великой Отечественной войны.

³⁸ *Купайгородская А. П.* Ленинградское отделение... С. 73. А. П. Купайгородская использовала обнаруженную ею краткую протокольную запись об этом собрании.

В. Н. Кашин и его судьба

кин хотел, чтобы именно этим органам, а не общественности принадлежала ведущая роль в деле. Отметим, что в рукописном варианте решения комиссии указано, что она избрана общим собранием 17 марта (№ 14). Но не описка ли это? Ведь в деле имеется протокол совещания комиссии 14 марта (№ 13). Кроме того, С. К. Хворостин³⁹ именно в этот день обратился к комиссии со своим первым заявлением (№ 12). Ясно, во всяком случае, что комиссия спешила и с собственными действиями, и с созывом второго собрания. В противоположность сказанному М. П. Вяткиным органы НКВД требовали перед арестом В. Н. Кашина его публичного обвинения товарищами по работе. Насколько мне известно, аресты других сотрудников ЛОИИ производились без этого.

В. Н. Кашин был беспартийным, и его дело рассматривалось не на партийном, а на общем собрании (председательствующий открыл его от имени профсоюзной организации). Однако руководил расправой партийный комитет ленинградских академических учреждений в лице Антонова,⁴⁰ вызывавшего В. Н. Кашина туда (№ 15, с. 153), присутствовавшего и активно действовавшего на обоих собраниях. 21 марта 1937 г. ему дружно ассистировали еще двое пришельцев — Аникин⁴¹ и Гуляев⁴² (оба из Института русской литературы, Гуляев вскоре возглавил партком ленинградских учреждений АН). Но партийное руководство делом не было единственным. Антонов счел нужным прямо сказать о большом «нажиме» на ЛОИИ «с совершенно другой стороны стоящих органов НКВД» (№ 15, с. 155).

Рассматривая ход собрания под этим углом зрения, следует признать, что между выступлениями большинства сотрудников

³⁹ Хворостин Степан Константинович (1905–?). Аспирант В. Н. Кашина, впоследствии доцент Библиотечного института.

⁴⁰ Антонов Степан Андреевич (1902–?). Окончил юрфак ЛГУ в 1926 г. В 1927–1935 гг. в ОГПУ–НКВД. В 1936–1937 гг. в Академии наук. В 1937–1939, 1946–1947 гг. в горкоме партии. В 1940–1941 гг. директор Финансово-экономического института. Участник Великой Отечественной войны.

⁴¹ Аникин Николай Андрианович (1904–?). Специалист по новой западной литературе.

⁴² Гуляев Василий Георгиевич (1903–?). С 1937 г. ученый секретарь Историко-лингвистического института АН СССР.

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел

ЛОИИ, даже наиболее по отношению к В. Н. Кашину непримиримых, с одной стороны, и трех пришельцев — с другой — была существенная разница. Первые вменяли ему в вину политическую ошибку, допущенную им на семинаре в университете 11 февраля 1937 г., вторые настаивали на том, что речь идет о контрреволюционном выступлении. Впрочем, такой оценки придерживались и четверо из выступивших на собрании сотрудников ЛОИИ — А. И. Молок⁴³ (№ 15, с. 113), М. А. Коростовцев (№ 15, с. 115), Г. В. Абрамович⁴⁴ (№ 15, с. 120–121) и В. Ю. Гессен,⁴⁵ допускаявший и то и другое (№ 15, с. 146). Вскоре после ареста Кашина все они, за исключением А. И. Молока, сами были арестованы (современники приписывали Сталину афоризм: «Чистеньких не бывает»).

В решении избранной первым собранием комиссии слов о контрреволюционном выступлении не оказалось (№ 14). И это несмотря на то, что, как сообщил представлявший решение комиссии собранию 21 марта 1937 г. М. А. Коростовцев, в нее был избран и Антонов.

Признание факта контрреволюционного выступления открывало прямой путь к аресту В. Н. Кашина. Антонов выразил это хотя и неуклюже прозвучавшей или записанной, но не допускавшей иных толкований фразой: «Надо сделать так, что за клевету на нашу партию, на нашу страну, мы будем судить» (№ 15, с. 153). Сам В. Н. Кашин, державшийся здесь как настоящий интеллигент, с мужеством революционера и профессиональной непреклонностью глубокого исследователя общественной жизни, представлял себе свою судьбу едва ли не лучше, чем все присутствующие, понимая смысл обвинений в контрреволюционности. Он показывал их несообразность, отвергая то, что его унижало, а все, что ему довелось выслушать, на это и было направлено. И это при

⁴³ Молок Александр Иванович (1898–1977). Доктор исторических наук, профессор, специалист по истории Франции.

⁴⁴ Абрамович Глеб Владимирович (1905–?). Специалист по истории России периода феодализма. Был арестован, вернулся в Ленинград через много лет.

⁴⁵ Гессен Владимир Юльевич (1901–1963). Историк, сотрудник ЛОИИ. Арестовывался трижды — в 1922, 1933 и 1939 гг. С середины 1940-х годов преподавал в Томске, Тамбове, Сыктывкаре.

В. Н. Кашин и его судьба

ясном понимании им своего положения. «Все это значит, что надо поставить крест на меня как на человека и как на ученого», — такой вывод сделал он из предъявленных ему обвинений.

«Я говорил 20 раз и говорил в комиссии, что мне приписывают контрреволюционную и антисоветскую пропаганду. Не потому, что мне грозят лишения, так как вся жизнь моя, начиная с 10-летнего возраста, была полна лишений, не потому, что мне грозит лишение степени, но потому, что реплики, которые мне бросали о гнусности, я в первый раз слышу по моему адресу», — сказал он на собрании (№ 15, с. 162).

Он отлично понимал, что лишением степени дело для него не обойдется. «Указания на то, что следует поступить так или иначе со мной, меня не так уже волнуют, потому что если меня считают контрреволюционером, тогда делать нечего», — заявил он через несколько минут, поделившись своими опасениями за судьбу отстаивавшего его С. К. Хворостина и аспирантов, которые «могут быть заподозрены» в связях с «прикрытым контрреволюционером». А затем сказал: «Все, что сегодня говорилось против меня, — все смыкается к тому, чтобы как можно больше обвинить меня, показать, что я контрреволюционер, который, наконец, прорвался и выдал себя с головой. Чем я могу доказать обратное?» (№ 15, с. 165). Он вышел из себя только однажды при попытке исказить написанное им, воскликнув: «Что вы делаете со мной!» (№ 15, с. 167).

Все сказанное В. Н. Кашину на собрании 21 марта, как и на двух заседаниях кафедры в университете и первом собрании ЛОИИ, действительно, сводилось к тому, что он «выдал себя с головой» на студенческом семинаре в ЛГУ 11 февраля 1937 г., о чем участники семинара подали заявление в деканат.

Читатель сам оценит и первую речь В. Н. Кашина на этом собрании (№ 15, с. 101 и сл.), и вторую (№ 15, с. 160 и сл.) — с отчаянной попыткой отрицать порочность своего меньшевистского прошлого (№ 15, с. 162), совершенно очевидную надуманность и грубую искусственность предъявленных ему обвинений, которые он пытался опровергнуть с минимальными уступками ортодоксии в самой враждебной по отношению к себе атмосфере. Она была создана нарочито, но с использованием взглядов участников заседания, воспитанных у них эффективной идеологической обработкой.

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел

Характеризуя психологию советских людей того времени, яркий современный автор С. А. Лурье пишет в почти афористической манере: «Пресловутое тогдашнее двоемыслие было ведь не двоедушие, а всего лишь недомыслие: дефект мышления, вскормленного ложью». И далее, хотя и в некотором противоречии с предыдущим, но не менее выразительно: «Молчать или врать — третьего не дано».⁴⁶ Здесь я должен добавить: чаще всего не дано было и первого — промолчать не разрешалось. Оставалось врать. Как же обстояло дело с каждым из участников заседания 21 марта 1937 г.? Трудно усмотреть недомыслие в поведении большинства из них. Слишком интеллигентные были это люди. Не могли они к тому же не учитывать опыт «Академического дела», многие арестованные по которому были уже на свободе, а один из них, Б. Д. Греков, ставший после этого академиком, не только присутствовал на собрании, но и активно защищал на нем В. Н. Кашина.

Они должны были играть свою роль правдоподобно и с видимой убежденностью. Тем из них, кому хотелось найти оправдание этому, единственной правдой в море лжи представлялась мысль о том, что Сталин — единственный, способный воспрепятствовать фашизму и войне, а помеха ему в этом — троцкизм. Редакционная статья, появившаяся в «Правде» за несколько дней до собрания, способствовала этому обвинением новой редакции журнала «Историк-марксист» (редактор — Н. М. Лукин⁴⁷) в том, что «и после разоблачения» «троцкистских двурушников» она «с умилением» сообщает о деятельности «гитлеровских штурмовиков от истории».⁴⁸ Само по себе это обвинение могло быть и не лишенным

⁴⁶ Дело. 2003. 25 авг. № 32 (291).

⁴⁷ Лукин Николай Михайлович (псевдоним: Н. Антонов; 1885—1940). Академик. Специалист в области истории Запада в Новое время. Его сестра была первой женой Н. И. Бухарина. Арестован, погиб.

⁴⁸ Статья «Об идиотской болезни — беспечности в журнале “Историк-марксист”» гласила:

«Известно, что на историческом фронте, пользуясь ротозейством коммунистов-историков, подвизались троцкистские двурушники. Но да будет известно, что и после разоблачения этих двурушников журнал “Историк-марксист” (редактор Н. М. Лукин) не вылечился от идиотской болезни — беспечности.

В. Н. Кашин и его судьба

смысла, но, разумеется, не в пособничестве троцкистов фашизму было здесь дело. Тем не менее некоторые участники событий того времени были убеждены в такой роли троцкизма и десятилетия спустя, несмотря на все, ставшее общеизвестным. Такое убеждение независимо от степени его искренности могло быть использовано и как моральное убежище. Вот что писал И. Губерман:

«Ум полон гибкости и хамства,
когда он с совестью в борьбе,
мы никому не лжем так часто
и так удачно, как себе».⁴⁹

Весь мир знает, что цвет германской буржуазной науки оказался за рубежом своей родины, на положении эмигрантов. Сотни ученых томятся в концлагерях. Официальная наука *“Третьей империи”* превращена в фашистский хлев.

Теперь почитайте *“Историк-марксист”*. В № 3 вы узнаете, что в *“новой Германии”* (!) существует институт истории, которому, правда, в 1936 г. отпущено лишь 35 тысяч марок, но зато в 1937 г. *“обещана (!) большая субсидия”*. Далее подробно излагается программа работы этого института, в том числе отдела *“по истории еврейского вопроса”*. Редакция журнала тщательно регистрирует *“научные”* доклады ряда фельдфебелей, которых Геббельс назначил Вольтерами и которые в сотый раз пережевывают дурацкую жвачку о ведущей роли германского *“духа”*, о *“смещении рас”*, как причине *“неполноценности”* всех негерманских народностей. Более того: с умилением сообщается о ряде *“новых назначений”* в геббельсовском ведомстве. И вся эта *“информация”* занимает не более и не менее как шесть убористых столбцов!

№ 5 того же журнала. Здесь редакция *“Историка-марксиста”* попросу передала вверенные ей партией столбцы журнала для *“извещений”* гитлеровских штурмовиков от истории. Невероятно, но факт! На стр. 202, например, черным по белому напечатано, что *“уполномоченный Гитлера по наблюдению за идеологическим воспитанием сообщает”* и т. д.

Каким образом советский исторический журнал стал рупором злейших врагов человеческой культуры и науки?

На этот вопрос руководство Института истории и партийная организация Академии наук СССР дадут, надо надеяться, вразумительный ответ» (Правда. 1937. 15 марта. № 73).

⁴⁹ *Губерман Игорь*. Гарики из Атлантиды. Иерусалим, 2003. С. 119.

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел

Существовала и крайне редко в те годы оправдывавшаяся надежда на то, что проработка может предотвратить арест (в 1940-х–1950-х годах так бывало). В нашем случае такая надежда была поддержана организаторами с цинической целью (№ 15, с. 155). Однако разоблачительная активность участников собрания была более всего связана с тем или иным способом их запугивания организаторами дела. Во всем этом не было ничего специально присущего коллективу ЛОИИ и тому его собранию, о котором идет здесь речь. Статья А. П. Купайгородской ясно это показывает.⁵⁰ В литературе описана кампания против В. Н. Бенешевича, кончившаяся для него так же трагически, как и для Кашина.⁵¹ Это происходило тогда же, в 1937 г., на кафедре истории средних веков Университета.⁵²

При всем том вскоре после открытия собрания 21 марта 1937 г. А. В. Пруссак⁵³ кратко, недвусмысленно и безоговорочно показала клеветнический характер кампании против В. Н. Кашина (№ 15, с. 99–100). Больше она не выступала. Обвинительный уклон тут же прозвучал в замечании М. В. Джервиса⁵⁴ (№ 15, с. 100).

Всем выступавшим в таком духе 21 марта 1937 г. независимо от их дальнейшей судьбы пришлось жить (об этом уже говорилось) с сознанием содеянного, причем некоторым — вспоминать об этом, сидя за решеткой. Горечь воспоминаний у всех обвинителей, несомненно, усиливалась тем, что пытавшиеся защитить В. Н. Кашина С. К. Хворостин, А. В. Пруссак, Б. Д. Греков, Г. Е. Кочин не пострадали. А с середины 1950-х годов, в условиях кардинальных перемен в государственных и

⁵⁰ См. также: *Курепин А. А.* Наука и власть в Ленинграде: 1917–1937. СПб., 2003. С. 249–345.

⁵¹ *Медведев И. П.* Письма в защиту В. Н. Бенешевича // Проблемы всемирной истории: Сб. статей в честь А. А. Фурсенко. СПб., 2000. С. 72–82.

⁵² «*Афины или Апокалипсис*» — так Я. С. Лурье назвал главу об историческом факультете ЛГУ тех лет в своей книге «*История одной жизни*».

⁵³ Пруссак Анна Владимировна (1888–?). Сотрудница ЛОИИ. Специалист по истории России XVII–XVIII вв. Подвергалась аресту в 1924–1925 гг.

⁵⁴ Джервис-Бродский Михаил Владимирович (1899–?). Сотрудник ЛОИИ. Специалист по истории революционного движения в России и истории Польши. В апреле 1942 г. уволен по болезни.

В. Н. Кашин и его судьба

общественных взглядах, выступавшим на собрании с обвинениями приходилось, узнав о расстреле и реабилитации товарища и коллеги, не только смотреть в глаза К. Н. Сербиной, как это было раньше, но и ожидать, что она сама об этом заговорит. Но она, насколько мне известно, ни разу этого себе не позволила, по крайней мере публично, по-видимому, щадя коллег и оберегая спокойствие в коллективе. Она лишь представила в институт нотариальную копию справки Военной коллегии Верховного суда о том, что «дело по обвинению Кашина Владимира Николаевича пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 20 октября 1956 г.» «Приговор Военной коллегии от 18 февраля 1938 г. в отношении Кашина В. Н. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено», — говорилось в этой справке в личном деле К. Н. Сербиной в Санкт-Петербургском институте истории РАН (л. 47).

После восстановления в 1955 г. закрытого в марте 1953 г. ЛОИИ она была назначена заведующей созданным сектором истории СССР. Сейчас мне кажется, что со стороны Президиума Академии наук, который в 1937 г. также был вовлечен в подготовку справки над В. Н. Кашиным (№ 15, с. 172), это было знаком внимания к его вдове, занимавшейся, впрочем, и до того научно-организационной работой. Когда мне, ставшему секретарем этого сектора, было поручено пойти в Москве к заведующему Планово-финансовым управлением Академии П. Г. Шидловскому, интеллигентному пожилому человеку, с просьбой о том, чтобы Президиум АН принял решение о предоставлении ставки для заведования сектором, он, как оказалось, знал, что речь идет о К. Н. Сербиной, и, заверив меня, что принятия решения на заседании Президиума не требуется, так как вопрос не носит научного характера, сам сделал все необходимое.

Незадолго до своей трагической гибели в 1990 г. (К. Н. Сербина утонула, купаясь в море) она с готовностью откликнулась на мою просьбу о беседе. У меня было ощущение, что она ждала такого обращения. Разумеется, и она, и Г. В. Кашин вправе были ожидать слов сожаления или раскаяния от обвинителей В. Н. Кашина, по крайней мере с тех пор, когда это стало не только нравственно необходимым, но и, казалось бы, политически возможным.

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел

Думаю, однако, что если не официальное, то официозное неодобрение разговоров на эту тему существовало и после XX съезда КПСС, наряду, кстати сказать, со стремлением поскорее уволить на пенсию восстановленных на прежней работе реабилитированных (в ЛОИИ это была Р. И. Козинцева⁵⁵). Тем, кому положено было об этом знать, сделалось, вероятно, известным, что работники НКВД, которые вели дело В. Н. Кашина в 1937—1938 гг., в результате реабилитации его и других их жертв не пострадали, причем один из них достиг в том же ведомстве высокого положения (№ 52), а часть ответственных лиц, принимавших роковые для Кашина и многих других решения, но вскоре разделивших судьбу своих «клиентов», были, как и они, посмертно реабилитированы (№ 29, примеч. 1; № 30, примеч. 4; см., однако: № 26, примеч. 13; № 23, примеч. 12), уцелевшие заслуженного возмездия избежали (№ 30, примеч. 3, 5). Ген. И. А. Серов, председатель КГБ СССР в 1954—1958 гг., в разгар реабилитации, в сущности, и сам подлежал ответственности как активный участник многих расправ, хотя начал службу в НКВД только в 1939 г. (№ 48, примеч. 1). Молчанию участников трагедий прошлого способствовало и сосредоточение документальных ресурсов в руках властей.

Нетрудно понять, почему я никогда не слышал от С. К. Хворостина о его попытках до последней возможности отстаивать В. Н. Кашина и вынужденном его отказе от них (№№ 12; 15, с. 156—160; 16). Впрочем, мои встречи с ним относились ко времени, предшествовавшему XX съезду. Но и после 1956 г. и жертвы, и участники этих событий, и даже только их очевидцы не склонны были к воспоминаниям о них. В 1970-е—1980-е годы я подолгу разговаривал с Р. И. Козинцевой и А. Л. Шапиро. При том, что темы этих разговоров часто относились к событиям 1930-х годов, не припомню, чтобы кто-нибудь из них упомянул имя В. Н. Кашина, между тем они оба, как и С. К. Хворостин, были его аспирантами (№ 12) и расписались в регистрационном листе присутствовавших на собрании. Тем более не было, насколько мне известно, даже попыток хотя бы упомянуть о расстрелянном коллеге на

⁵⁵ Козинцева Руфь Иосифовна (1906—1985). Сотрудница ЛОИИ. Находилась в заключении в 1937—1944 гг.

В. Н. Кашин и его судьба

заседании или в статье, восстановить авторство выполненных им работ. И это несмотря на полную его реабилитацию. Данные в ходе ее подготовки, всесторонне одобрительные отзывы о нем М. П. Вяткина (№ 56), Г. Е. Кочина (№ 57) и И. И. Смирнова (№ 58) не стали известны в коллективе. Хотя 21 марта 1937 г. из 65 расписавшихся в присутствии на собрании сотрудников от участия в голосовании по трем пунктам предложенной Антоновым резолюции уклонились по первому и третьему пунктам 8, по второму 5, а воздержались по первым двум 3 и по третьему пункту 1 (№ 15, с. 173), итоги голосования (ни одного голоса против) продолжали мешать не только осуждению, но и обсуждению происшедшего даже в частных разговорах.

«Мы поименно вспомним всех, кто поднял руку!» Эти слова Александра Галича, даже 30 лет спустя, в 1967 г., прозвучавшие лишь как обещание на неопределенно далекое будущее, относились к проходившему через 20 лет после расстрела В. Н. Кашина и через 2 года после его реабилитации собранию московской организации Союза писателей, на котором был исключен из него Б. Л. Пастернак. При этом у голосовавших за это при всей неприглядности их позиции были веские основания считать, что дело, хотя и неприятное, но не трагическое и уж, во всяком случае, не роковое:

«Ведь не в тюрьму
И не в Сучан,
Не к “вышей мере”!
И не к терновому венцу —
Колесованьем,
А, как поленом по лицу —
Голесованьем!»⁵⁶

А сотрудники ЛОИИ в 1937 г. твердо знали, за что голосуют, и вряд ли могли об этом когда-нибудь забыть.

Теперь — о каждом из членов комиссии и ораторов на злополучном собрании, которых я знал, а также об известных мне лишь по рассказам, литературе и материалам их личных дел.

⁵⁶ *Галич Александр*. Вечный транзит: Стихи, песни, поэмы. Екатеринбург, 1998. С. 124–125.

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел

Начну с У. А. Шустера, который был членом комиссии, председательствовал и выступал на собрании. Он еще не был тогда членом партии, в которую вступил в 1939 г. Я был его слушателем в университете, впоследствии младшим коллегой в ЛОИИ, а затем и заведующим группой, в которой он работал. Хотя нам с ним часто случалось разговаривать о самых деликатных в политическом отношении предметах, я не решился рассказать ему о злосчастной стенограмме в уверенности, что это будет для него непереносимым ударом, а он был уже очень стар и болен. Человеком с обнаженными нервами он был на моей памяти всегда. Мой близкий друг Е. М. Тепер,⁵⁷ с которым я посоветовался, резонно заметил: **«Конечно, он может рассказать тебе такое, о чем ты и не подозреваешь, но страшно».** У. А. Шустер представлял собой строгого в профессиональном отношении исследователя первого ряда. Его книга *«Петербургские рабочие в 1905–1907 гг.»* еще в 1976 г. стала одним из ранних явлений нового мышления в советской историографии. **«Вы должны гордиться тем, что такая книга вышла под Вашей редакцией»**, — написал мне М. Я. Гефтер.⁵⁸ Это был настоящий апофеоз У. А. Шустера. Первая половина его творческой жизни была посвящена истории Польши. Он был большим ее знатоком, и написанное им весьма ценно. В частности, М. В. Джервису и ему принадлежит чрезвычайно пространственный исторический очерк о Польше в томе 46-м первого издания Большой советской энциклопедии (М., 1940). Этот том был сдан в производство 3 мая 1939 г., но подписан к печати только 29 июня 1940 г. За это время произошел раздел Польши между Гитлером и Сталиным, и в текст У. А. Шустера (*«Польша в новое время»*) были вставлены оскорбительные по отношению к польскому государству фразы и выражения (**«Опереточная бутафория»** и т. п.), что, разумеется, осложнило отношение к нему как автору в послевоенной Польше. В сущности, как и события, подобные собранию

⁵⁷ Тепер Ефим Маркович (1924–1992). Филолог и историк-испанист. Библиограф. Участник Великой Отечественной войны.

⁵⁸ Гефтер Михаил Яковлевич (1918–1995). Специалист по истории России и методологии истории. Активный участник и идеолог диссидентского движения. Участник Великой Отечественной войны.

В. Н. Кашин и его судьба

21 марта 1937 г., это явилось петлей, накинутой на его шею. Как автор У. А. Шустер был весьма разносторонен. Его работы по отечественной истории были посвящены не только рабочему классу, но и истории русской культуры. Вероятно, именно он, необыкновенно тонкий и остро чувствующий человек, фронтовик, мог бы спустя годы обратиться к теме кашинского собрания. Однако это оказалось невозможным. Хорошо помню, что когда на общем собрании сотрудников ЛОИИ был прочитан хрущевский доклад на XX съезде КПСС, У. А. Шустер пытался заговорить, но инструктор Василеостровского РК КПСС Майоров заявил, что прения не предусмотрены. Н. Е. Носов,⁵⁹ с начала 1960-х годов возглавлявший ЛОИИ, а до того бывший ученым секретарем, по моим наблюдениям, имел какое-то представление о событиях прошлого и судил о поведении их участников без внутренней к ним снисходительности. Это проскальзывало в его отношении не только к У. А. Шустеру, но даже к С. Н. Валку.

О С. Н. Валке, входившем в комиссию, но не выступившем на собрании, существует целый ряд историографических работ. Как писала одна американская исследовательница, на протяжении нескольких десятилетий историки разных поколений привыкли видеть в ленинградских архивах и библиотеках человека, внешность которого не оставляла сомнений в его принадлежности к дореволюционной университетской среде. Сигизмунд Натанович был классиком отечественного источниковедения. Его работы охватывали круг источников по русской истории во всей его хронологической полноте. И по всем периодам и темам его мнение оказывалось не только значительным, но очень часто и решающим. Щедрость, с которой он делился своими знаниями и опытом, была такой же безграничной, как и они сами. Все это относится к его жизненному пути в целом, который, однако, не всегда был триумфальным. Так, в 1931 г. ему пришлось каяться в своем ученичестве у А. С. Лаппо-Данилевского подобно тому, как это делал В. Н. Кашин по отношению к Заозерскому. К 1937 г. он

⁵⁹ Носов Николай Евгеньевич (1924–1985). Специалист по средневековой истории России. Заведующий ЛОИИ в 1969–1981 гг. Участник Великой Отечественной войны.

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел

был уже известным и признанным ученым. Не это, однако, помогло ему промолчать. В том, что именно такова была его цель, не может быть сомнений, но как он ее достиг — неизвестно.

Не выступил на собрании 21 марта 1937 г. еще один член комиссии — М. П. Вяткин. В 1950-х—начале 1960-х годов известный исследователь истории Средней Азии, Петербурга (впоследствии он занимался и промышленностью Урала), М. П. Вяткин был заведующим ЛОИИ. В этом качестве, а отчасти и по свойствам натуры он был человеком сдержанным и разговоров на политические темы избегал. Однажды, впрочем, он рассказал мне (я продолжал быть секретарем сектора, которым он заведовал после К. Н. Сербиной), что в Томском университете учился у известного философа и педагога С. И. Гессена, впоследствии эмигрировавшего, который был троюродным братом В. Ю. Гессена из ЛОИИ. Не скрывая гордости, он, как я помню, подчеркнул, что считает С. И. Гессена своим настоящим учителем (мой отец также указывал С. И. Гессена в анкетах как одного из своих учителей в Петроградском университете). Некоторые кадрово-административные действия М. П. Вяткина на директорском посту, хотя и встречались с неодобрением коллегами, с моей точки зрения, не противоречат тому, что свое молчание на собрании 21 марта 1937 г. он с самого начала считал, как представляется, большой удачей. В своих показаниях при реабилитации В. Н. Кашина в 1956 г. он свел причину собрания 21 марта 1937 г. к тому, что тот **«на занятиях сказал что-то неправильно о Петре I»** (№ 56). Возможно, что это был тактический прием, согласованный с Г. Е. Кочиним, упомянувшим там же обсуждение на собрании **«неправильного выражения»** В. Н. Кашина (**«В чем именно оно состояло, я не помню»** — № 57).

М. А. Коростовцев, настаивавший в своей речи (№ 15, с. 116) на том, что **«проф. Кашиным были сказаны вещи определенно контрреволюционные с умыслом или без умысла»** (не послужила ли предположенная Коростовцевым возможность непредумышленности причиной того, что обвинения в контрреволюционном выступлении в решении комиссии не оказались?), сам был арестован в начале 1950-х годов и довольно скоро выпущен.

У. А. Шустер рассказывал мне, что его знакомство с М. А. Коростовцевым продолжалось и в 1960-е—1970-е годы. В своей речи

М. А. Коростовцев подчеркнул, что комиссия не стала «твердо и точно утверждать, что высказывания тов. Кашина связаны с его меньшевистским прошлым» (№ 15, с. 115). В отличие от В. В. Струве, еще раньше заявившего, что «такое исследование» с точки зрения комиссии не входило в ее компетенцию (№ 15, с. 101), М. А. Коростовцев представил дело несколько иначе. Он посетовал, что в распоряжении комиссии был «только один факт», но добавил, что именно «подозрение» в том, что в Кашине пробудился меньшевик, заставило комиссию ознакомиться с его биографией, «потому что если человек в течение ряда лет был в меньшевистской партии, у него была определенная идеология, эта идеология должна на нем отразиться» (№ 15, с. 115).

Образу В. В. Струве посвящены многие страницы воспоминаний, в частности И. М. Дьяконова, и специальных работ по истории востоковедения. А. А. Формозов рассмотрел роль В. В. Струве, Б. Д. Грекова, С. А. Жебелева⁶⁰ и др. в разработке теории формаций, производившейся в ГАИМК в 1932–1934 гг. молодыми марксистами с привлечением ученых-академистов для придания делу наукообразия.⁶¹ Роль В. В. Струве в этой операции состояла, по словам А. А. Формозова, в том, чтобы привести в соответствие высказывания К. Маркса о так называемом восточном способе производства с тем, что требовалось для утверждения универсальности формационного принципа исторического развития. Как и некоторые авторы воспоминаний, А. А. Формозов приводит ряд свидетельств того, что административное возвышение В. В. Струве использовалось им для утверждения своих взглядов и положений с оттеснением коллег.⁶² Всему этому я должен противопоставить известное мне почти молитвенное отношение к нему крупного египтолога, чрезвычайно скромного и умного человека И. Г. Лившица,⁶³ а также собственные впечатления о со-

⁶⁰ Жебелев Сергей Александрович (1867–1941). Академик. Историк-эллинист, археолог, эпиграфист, филолог-классик.

⁶¹ *Формозов А. А.* Академия истории материальной культуры — центр советской исторической мысли в 1932–1934 гг. // *Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков.* Брянск, 1999. С. 5–32.

⁶² Там же. С. 12–13.

⁶³ Лившиц Исая Григорьевич (1896–1970). Историк и филолог, египтолог.

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел

бытиях 1949 г., в ходе которых В. В. Струве дважды в деликатной, но определенной форме, по-видимому, используя свой кредит у властей, возразил назначенному тогда деканом исторического факультета ЛГУ инициатору ряда проработок Н. А. Корнатовскому.⁶⁴ Я объясняю состояние крайней напуганности, в котором В. В. Струве был в марте 1937 г., именно его участием в выработке теории формаций. Участники этого дела, молодые партийные марксисты-энтузиасты, уже были арестованы, и даже став, как и Б. Д. Греков, в 1935 г. академиком, вряд ли мог он быть уверен в своей судьбе, предвидеть, что Сталин решит связать теорию формаций с именами ученых старой академической школы, устранив профессиональных марксистов, и сохранить эту теорию, совмещая ее с патриотическим курсом.⁶⁵ И прочитав собранию статью, появившуюся накануне в «Правде», В. В. Струве заявил:

«Почему работники Института истории должны быть особенно осторожны? Потому что наш институт был поражен сильно. Тут работали ближайшие сотрудники Зайделя⁶⁶ — Томсинский и др. Тут работали и другие наши враги, и поэтому каждый работник нашего Института истории должен знать, какая большая ответственность лежит на нем во время его

⁶⁴ Корнатовский Николай Арсентьевич (1902–1977). Специалист по истории СССР советского периода. Профессор истфака ЛГУ. В начале 1949 г. стал его деканом. В сентябре того же года арестован, освобожден в 1954 г., вернулся в университет.

⁶⁵ Застольно-юмористический вариант теории формаций был у Сталина совсем прост. «Для схематиков, — заявил он в 1934 г. перед принятием известных замечаний по поводу конспекта учебника истории СССР, — история делится на три периода: матриархат, патриархат, секретариат» (*Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое. Ростов-на-Дону, 2004. С. 147*). Разумеется, творцы теории формаций, создававшейся в смертельной битве за чистоту теории, и сложившие в ней головы, и, наоборот, возвысившиеся, так об этой шутке и не узнали.

⁶⁶ Зайдель Григорий Соломонович (1893–1937). В 1930–1934 директор Ленинградского отделения Института истории Комкадемии, декан исторического факультета ЛГУ. В декабре 1934 г. арестован, выслан в Саратов, где был профессором педагогического института. В 1936 г. снова арестован, в 1937 г. расстрелян.

В. Н. Кашин и его судьба

выступлений, чтобы Институт истории мог заглазить свои величайшие преступления против Советской власти, против нашего государства и нашего отечества» (№ 15, с. 130).

Очевидная потрясенность В. В. Струве (не думаю, что она была только видимой, страх его был, во всяком случае, неподдельным) не помешала ему, хоть он и заявил, что семинар 11 февраля «студенты поняли, как злейшие контрреволюционные выступления», оценить слова В. Н. Кашина на семинаре, к неудовольствию Гуляева (об этом ниже), лишь как «политическую ошибку», хотя и «громадную».

Открывший прения (№ 15, с. 112) А. И. Молок, специалист по истории Франции, одно время бывший моим научным руководителем в аспирантуре, выступал весьма воинственным образом. Хотя он, крупный и плодовитый исследователь марксистско-академического типа, был человеком, по своей натуре никак не склонным к борьбе за идейность и проработкам на этой почве коллег, выступление 21 марта 1937 г. было, как, вероятно, и у других ораторов, не первой его речью такого рода. За шесть лет до того, в начале 1931 г., после ареста Е. В. Тарле, он выступил против него на собрании Института истории при Ленинградском отделении Комакадемии и Общества историков-марксистов. Сын А. И. Молока Ф. А. Молок недавно с большой выразительностью и откровенностью написал, что выступление против Тарле на протяжении многих лет не только вызывало у отца сожаление, но было едва ли не главной болью в его жизни.⁶⁷ Ко времени собрания 21 марта 1937 г. Тарле был уже на свободе и даже пользовался покровительством Сталина.

Но тот механизм, который вынудил выступить А. И. Молока в 1931 г., был, разумеется, снова запущен шесть лет спустя и снова оказался действенным. По всей вероятности, сыграло здесь роль и то обстоятельство, что А. И. Молок и В. Н. Кашин были одно время коллегами по работе в Библиотеке АН, и это могло быть А. И. Молоку инкриминировано.

⁶⁷ Молок Ф. А. Из воспоминаний об отце-историке и его коллегах // Клио. 2003. № 4 (23). С. 209.

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел

«Вы признаете педагогическую, а не политическую ошибку, и поэтому перерастаете в преступление, перерастаете именно в пропаганду. Вместо путаницы в постановке вопроса переходите в антисоветскую пропаганду», — говорил, обращаясь к В. Н. Кашину, Г. В. Абрамович (№ 15, с. 122). Это было как раз то, что требовалось пришельцам. Вернувшись в Ленинград после ареста и многолетнего отсутствия, Абрамович продолжал заниматься научной работой, был тесно связан с ЛОИИ, профессионализм сочетался у него с интеллигентностью, но его оценки прошлого мне неизвестны.

Категоричности Абрамовича противостояла уклончивость Ш. М. Левина.⁶⁸ Он начал с того, что ряд утверждений В. Н. Кашина имели «троцкистский характер» (№ 15, с. 124), но затем заявил: «Мы имеем дело не с сознательным контрреволюционным выступлением, а с очень большой долей политической неграмотности, как это ни обидно для В. Н.» — и потребовал от того «сделать выводы <...> о необходимости развертывания настоящей марксистско-ленинской пропаганды в этих стенах» (№ 15, с. 125). Такой поворот дела Ш. М. Левин позволил себе, несмотря на свой собственный биографический порок — членство в организации меньшевиков-интернационалистов в революционные годы.⁶⁹

Как и у него, формула о троцкистском выступлении отсутствовала у Г. Е. Кочина, позволившего себе не только высказать сомнение в студенческих впечатлениях (№ 15, с. 125–126), но и охарактеризовать В. Н. Кашина как «человека большой трудоспособности, крупного ученого, человека, который жертвует многим для того дела, которое ему поручено» (№ 15, с. 127). К «грубым политическим ошибкам, которые им были допущены», Г. Е. Кочин явно смягчающе добавил, что и «все остальные сотрудники из дела Кашина должны извлечь урок относительно неточных толкований» (№ 15, с. 127). И кончил он таким образом, чтобы ослабить нависшую над В. Н. Кашиним угрозу.

⁶⁸ Левин Шнеер Менделевич (1897–1969). Крупный специалист в области истории русской общественной мысли и культуры. Сотрудник ЛОИИ.

⁶⁹ В своих анкетах Ш. М. Левин писал: «примыкал ко взглядам соц.-дем. Больш., интернац.» (1946 г.), «примыкал по взглядам с. д. Б-ков и интернац.» (1947, 1951 гг.) (Личное дело Ш. М. Левина в Санкт-Петербургском институте истории РАН).

В. Н. Кашин и его судьба

«Я думаю, — заявил он, — что выводы, которые сделает наша администрация, будут целиком соответствовать нашим взглядам о том, что наличие глубокая политическая ошибка, допущенная Кашиным, ошибка, которая, по имеющимся данным, не может служить продолжением единой целой линии, идущей от 1905 вплоть до 1937 г. Но эта ошибка говорит, что Кашин выступал с недостаточно четко очерченными и недостаточно продуманными и политически подготовленными и оформленными взглядами о нашей советской действительности» (там же).

В 40-е—50-е годы Г. Е. Кочин, участник Первой мировой, советско-финской и Великой Отечественной войн, отстаивал гораздо более строгие политико-административные принципы.⁷⁰

Затем выступал М. В. Джервис, плодовитый исследователь истории революционного движения в России и истории Польши. Он упрекал комиссию в том, что она не вынесла решения об удалении Кашина из института (№ 15, с. 128). Родственные отношения связывали его с одним из руководящих деятелей НКВД, известным тем, что ранее совмещал службу в разведке с принадлежностью к уголовной среде.⁷¹

«Мой отчим (второй муж моей матери) Нафталий Аронович Френкель, в настоящее время — ответственный работник НКВД. Известный в стране по строительству Белбалтканала, одним из главных руководителей которого он являлся», — с гордостью писал М. В. Джервис в автобио-

⁷⁰ 21 сентября 1949 г. Г. Е. Кочин выступил по вопросу о кадрах иным образом, в отличие от 21 марта 1937 г. «Некоторая работа в ЛОИИ по усилению состава сотрудников проведена. Отчислен С. Я. Лурье. Но этого мало. Мы встали на правильный путь, но не достигли еще должных результатов», — так записаны его слова на заседании Ученого совета, которому, почти как в 1937 г., предстояло принять обращение к руководящим инстанциям с просьбой об отчислении Лурье (*Ганелин Р. Ш. А. В. Предтеченский в ЛОИИ. С. 368*).

⁷¹ Френкель Нафталий Аронович (1883 или 1887—1958 или 1960). С 1931 г., после обращения к Сталину, один из руководителей ГУЛАГа, строительства Беломорско-Балтийского канала. В 1937—1938 гг. под арестом. С 1939 г. — руководитель железнодорожного строительства в НКВД и Наркомате путей сообщения. С 1943 г. — генерал-лейтенант инженерно-технической службы.

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел

графии. Продолжал он, впрочем, с неожиданной осторожностью: «Вдаваться здесь в его биографию, равно как и в тесно связанную с нею биографию моей матери, я не считаю уместным; отмечу лишь, что моя мать в настоящее время живет за границей, куда уехала в 1919 г. с малолетними в то время детьми от второго брака к находившемуся тогда в Константинополе Нафталию Ароновичу».⁷²

С. А. Анненский⁷³ поддержал выдвинутое против Кашина обвинение в «принижении роли тов. Сталина» (№ 15, с. 128). Ни М. В. Джервис, ни Анненский не произнесли, однако, слов о контрреволюционном троцкистском выступлении. Анненский даже, наоборот, отрицал «действительно злой умысел» и «намеренную пропаганду троцкизма», подчеркнув «научную ценность Кашина как работника института». И после уже известной читателю речи В. В. Струве, также не удовлетворившей пришельцев, слово взял один из них.

Это был Гуляев, осудивший комиссию за то, что она ограничилась формулой о политических ошибках, проявила либерализм (№ 15, с. 132), и угрожавший присутствующим («У нас в стенах Академии наук есть люди, которые пытаются в тех или иных выражениях сделать реверанс проф. Кашину» — № 15, с. 132–133; «Стыдно нам, что в 20-ю годовщину мы еще держимся академического большого тона» — № 15, с. 134).

Тогда-то и выступил с тщательно продуманной речью в защиту В. Н. Кашина назначенный за месяц до того заведующим ЛОИИ Б. Д. Греков, хотя, как сказала мне К. Н. Сербина, такое выступление «было не в его характере».

«Тов. Гуляев как советский гражданин горячо выступил, — сказал он, — но от советского гражданина требуется не только пафос политического выступления, но нужно и объективно взвесить все детали дела для того, чтобы совершенно сознательно и убежденно высказать свое заключение по поводу всего комплекса тех фактов, которые перед нами стоят» (№ 15, с. 135–136).

⁷² Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук. Ф. 133. Оп. 3. Д. 88. Л. 21.

⁷³ Анненский Сергей Александрович (1891–1942). Сотрудник ЛОИИ. Палеограф.

В. Н. Кашин и его судьба

Ответ Гуляеву был не менее назидательным, чем его только что прозвучавшая речь с запугиванием собрания. То обстоятельство, что Б. Д. Греков мог позволить себе защиту своего ученика, объяснялось его отношениями с властями, особенно доверительный характер которых подчеркивал в разговоре со мной в 1960 г. его преемник на посту директора Института истории А. Л. Сидоров.⁷⁴ Пребывание в Крыму при «белых» и работа в Симферопольском университете не мешали его влиятельному положению, как и кратковременный арест по «*Академическому делу*».

Настаивая на своем: «*тут ошибки, а не что-либо иное, «ошибки обычного характера»*» (№ 15, с. 137), Б. Д. Греков сослался на университетскую кафедру, согласившуюся с ним в том, что «*специально злого умысла не было*» (№ 15, с. 138). В сущности, он обратился к собранию с призывом противодействовать расправе над В. Н. Кашиным, заявив: «*Я думаю, что те, кто долго работал с В. Н., положат на чашку весов все, что о нем знают. Мы знаем В. Н. давно и с хорошей, и с плохой стороны. Мы всегда считали его работоспособным, он работал много, и мы — члены Института истории — должны признать, что это работник большого масштаба*» (№ 15, с. 137).

Таким же не случайным, как выступление Б. Д. Грекова после Гуляева, было то, что после Б. Д. Грекова несколько обвинительных слов произнес П. Г. Спирченко, помощник директора ЛОИИ по административно-хозяйственной части, в прошлом партийный работник, а затем заговорил Влад. Ю. Гессен. Если Б. Д. Греков имел своей целью ослабить обвинительный натиск на Кашина, то Влад. Ю. Гессен, наоборот, стремился этот натиск усилить. Гессен был известен в ЛОИИ как осведомитель НКВД. С. Н. Валк рассказывал: «*Сидим, как зайчишки, с Грековым во главе, а он при всех звонит по телефону: «НКВД? Это Гессен»*».

Хотя Влад. Ю. Гессен и умер своей смертью в 1963 г., жизнь его была трагичной. Достаточно посмотреть на его фотографию

⁷⁴ Сидоров Аркадий Лаврович (1900—1966). Специалист по истории СССР начала XX в. Преподавал в МГУ и других учебных заведениях. Директор Института истории АН СССР в 1953—1959 гг. Исключался из партии с восстановлением в 1935—1936 гг. Участник Великой Отечественной войны.

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел

в тюрьме в 1940 г.⁷⁵ Сын известного историка евреев Ю. И. Гессена, он арестовывался трижды — в 1922 г., после возвращения из польского плена, куда попал во время наступления на Варшаву Красной Армии, в которой он служил, в 1933 г. за троцкистскую деятельность, и последний раз в 1939 г.⁷⁶ К этому его аресту имел отношение А. Л. Сидоров, тогда ученый секретарь Института истории в Москве, который рассказывал мне, что чуть ли не сам отвел Гессена в НКВД. Он объяснял это его троцкизмом. Во время пребывания Влад. Ю. Гессена в лагере погиб на фронте Отечественной войны его старший сын Иосиф. Выйдя на волю, Влад. Ю. Гессен преподавал в вузах провинциальных городов.

Несомненно, что в 1937 г. он действовал под непосредственным руководством органов НКВД. В деле Кашина он выступал как один из его застрельщиков.

В 1934 г. — об этом уже было сказано — В. Н. Кашин издал книгу *«Крепостные крестьяне-землевладельцы накануне реформы»*. Она представляла собой воспроизведение его статьи, помещенной в *«Известиях АН СССР»* (1933 г., № 8 и 9). Как мне представляется, это была по тем временам смелая, оригинальная и убедительная попытка показать истинный характер землевладения в деревне перед отменой крепостного права. Среди крепостных крестьян было совсем немало таких, которые приобрели землю в собственность, и, по наблюдениям В. Н. Кашина, помещики были кровно заинтересованы в дееспособности крестьянского хозяйства. Он писал об этом, хотя применительно к крестьянской промышленности считал свою концепцию об экспроприации крестьянского труда феодалами противоположностью утверждениям М. И. Туган-Барановского⁷⁷ о *«содружестве»* крестьянской

⁷⁵ Гессен В[алерий] Ю. Историк Юлий Гессен и его близкие. СПб., 2004. Фотография между сс. 240 и 241.

⁷⁶ Там же. С. 255.

⁷⁷ Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919). Профессор Петербургского университета, затем Политехнического института. Его общепринятая, по словам Кашина, схема развития капитализма в России рассматривалась в советской историографии как неправильная (№ 58). М. И. Туган-Барановский считал, что *«фабрика и кустарная изба мирно уживались в XVIII веке друг с другом, почти не конкурируя между собой»*